

М.В. НАЗУКИНА*

**ИДЕНТИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ
РЕГИОНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА
ФЕДЕРАЛЬНЫХ СИМВОЛИЧЕСКИХ КОНКУРСОВ¹**

Аннотация. В статье анализируется дискурс региональной идентичности в ходе проведения федеральных символических конкурсов, под которыми понимаются мероприятия, связанные с организацией проектов соревнований по выбору значимых для региональных сообществ символических атрибутов. В фокусе исследования пять проектов: «Семь чудес России» (2007), «Россия 10» (2013), «Аллея России» (2014), «Народная банкнота» (2016), «Великие имена России» (2018). На основе индикатора активности регионов (подсчет участия и интенсивности кампаний по продвижению региональных символов) выделяется группа регионов, для которых конкурсный инструмент интерпретируется как значимый ресурс в транслировании региональной уникальности. Определяются основные формы выраженности дискурса региональной идентичности при номинации и продвижении номинантов на победу в конкурсах. Анализируются возможные идентитарные конфликты в ходе конкурсов. На основе экспертных интервью в Казани, Екатеринбурге, Новосибирске, Хабаровске и Владивостоке, проведенных в 2019 г., конструируется матрица мотиваций и аргументаций в модели регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов. Показано, что употребление в данном дискурсе различного рода метафорических конструкций специфичности

* Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (Пермь, Россия), e-mail: nazukina@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

© Назукина М.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.10

региона, его символов и героев, амбиций территории позволяет региону транслировать свою субъектность.

Ключевые слова: регионализм; регионалистский дискурс; региональная идентичность; политика идентичности; символические конкурсы; Россия.

Для цитирования: Назукина М.В. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов // Политическая наука. – 2020. № 4. – С. 200–220. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

Введение

Необходимым условием складывания любых политических сообществ, в том числе региональных, является оформление символического единства, ядром которого является его идентичность. Изучение идентичности в ее территориальном измерении давно уже сформировалось в отдельное направление исследований гуманитарного знания [Фадеева, Назукина, 2020, с. 208]. Академический интерес к указанной проблематике в настоящее время связан со смещением фокуса изучения с политико-культурных особенностей региональной самостийности к практическим возможностям, которые дает артикуляция уникальности территории. Безусловно, в условиях неравных стартовых условий (объективных преимуществ) разные регионы по-разному капитализируют ресурс региональной идентичности. Тем не менее запрос на материализацию идентитарных маркеров в регионах возрастает. С разной степенью это проявляется в запросе «на красоту, на комфорт, на досуг», «потребности в некой понятной стратегии развития», «в образе будущего»¹. В данном контексте возникает межрегиональная конкуренция, в том числе за человеческий капитал – жителей региона, а управление символической сферой становится значимым направлением политического курса регионов. Стимулирование к этому идет не только по линии снизу вверх, но и сверху вниз, посредством федеральных символических проектов и общественных инициатив.

Так, одной из последних в новостях июля 2020 г. стала информация о создании «Котокарты России» и конкуренции нескольких городов (Астрахани, Вологды, Зеленоградска, Самары,

¹ Интервью с экспертом № 1 от 05 декабря 2019 г. Екатеринбург. Архив автора.

Санкт-Петербурга, Ульяновска) за статус «Кошачьей столицы России»¹. Такого рода общественные практики (самыми яркими из которых являются проекты «Сказочной карты России», «Вкусной карты России»²) заполняют различные ниши символического измерения политики идентичности, позволяют регионам артикулировать неформальные символы в виде сказочных героев, гастрономических уникальностей территории и др.

Однако в рамках политики идентичности, которая включает в себя символическую составляющую [Малинова, 2017], на государственном уровне подобные конкурсы используются в качестве инструментария «работы» с символической сферой. Под федеральными символическими конкурсами понимаются мероприятия, связанные с организацией проектов соревнований по выбору значимых для региональных сообществ символических атрибутов. Наиболее крупными проектами такого рода за последние 15 лет в России были конкурсы: «Семь чудес России» (проект, целью которого стал поиск семи чудес России в 2007 г.), «Россия 10» (общенациональный проект – конкурс 2013 г., призванный путем всеобщего голосования отобрать 10 визуальных символов России), «Аллея России» (голосование за растения – символы регионов в 2014 г.), «Народная банкнота» (выбор изображения для банкнот 200 и 2000 рублей в 2016 г.) и «Великие имена России» (определение имен соотечественников для присвоения их крупным аэропортам страны в 2018 г.).

Подобные конкурсные практики создают ситуацию выбора, что стимулирует рефлексию о региональной идентичности. Иными словами, выбирая ключевой символ или имя героя, актуализируется регионалистский дискурс. Формат федеральных конкурсов особо важен, поскольку в условиях такого рода конкурсов регионы конкурируют между собой, а также за внимание федерального Центра [Назукина, 2019. с. 532]. Гипотеза заключается в том, что наиболее активные регионы в конкурсных практиках используют регионалистский дискурс в отношениях с Центром. Иными слова-

¹ В Марий Эл создали кошачью карту России // Российская газета. – 2020. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/07/13/reg-pfo/v-marij-el-sozdali-koshachiu-kartu-rossii.html> (дата посещения: 12.07.2020).

² «Сказочная карта России». – Режим доступа: <https://vk.com/fairytalemapofrussia> (дата посещения: 12.07.2020), «Вкусная карта России». – Режим доступа: <https://vk.com/tastymapofrussia> (дата посещения: 12.07.2020).

ми, регионы используют возможности в виде конкурсов для демонстрации субъектности, трансляции регионального интереса. Этот региональный интерес приобретает оформление в виде символически выстроенной концепции региональной уникальности, конструируя и воссоздавая региональную идентичность, цементирующую регионализм как идентитарную систему.

Регионалистский дискурс: определение понятия и методы исследования

Пьер Бурдьё отмечает, что регионалистский дискурс имеет цель «навязать в качестве легитимного новое определение границ и заставить людей знать и признавать регион, который таким образом конструируется в оппозиции к доминантному определению региона» [Бурдьё, 2002]. Регионалистский дискурс связан с артикуляцией региональной идентичности [Киселев, 2006; Магомедов, 2000; Keating, 1995; Frisvoll, Fredrik, 2009, Takashi, 2005, Zimmerbauer, Paasi, 2013; и др.]. Бурдьё ее определяет как свойство группы, связанное с ее происхождением, которое определяется через географическую привязку к местности, а также с помощью такого маркера, как язык. По его мнению, борьба за региональную идентичность является частным случаем различных конфликтов по поводу классификаций или различий, борьбы за монополию на власть [Бурдьё, 2002, с. 50].

Поскольку эта борьба разворачивается в поле дискурса, она проявляется в смысловых конструкциях языка, определяющего различные деления социального мира. Не случайно поэтому, основываясь на лингвистическом подходе, О.А. Блинова исходит из следующего определения регионалистского дискурса – это «разновидность политического дискурса, процесс и результат использования языка для описания политической деятельности в конкретном регионе с целью утверждения политического, социального и культурного пространства региона как самостоятельного субъекта политической действительности» [Блинова, 2019, с. 40]. На примере анализа шотландского регионализма она выделяет ключевые механизмы репрезентации регионалистского дискурса: метафоризация и интертекстуальность (отсылка к аллюзиям и ключевым именам шотландской литературы), а также утверждения языкового своеобразия региона.

Регионалистский дискурс, следовательно, завязан на речевой актуализации идеи личности региона. В.А. Щипков рассматривает понятие «регионалистский дискурс» несколько шире: не только как объект лингвистики, но и в значении совокупности речевых действий (событий), в которых участвуют объекты и субъекты регионализма, – в том числе социокультурные, мифологические, научные, политико-идеологические, – а также совокупный контекст этого пространства [Щипков, 2016, с. 37].

Таким образом, если региональный дискурс – это «тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в регионе» [Докучаев, 2012, с. 74], то регионалистский дискурс – это не только смысловые характеристики регионального своеобразия и самостийности, но также активно мотивированная деятельность по достижению целей и амбиций региона, проявляющаяся в языке. Причем цель активности может быть различной: «...получение автономии, получение экономической и политической выгоды в рамках борьбы за территорию и ее ресурсы, а может иметь вполне мирную политическую цель развития межрегионального сотрудничества в сфере безопасности, экономики или жизнедеятельности» [Докучаев, 2012, с. 74].

Проявление регионалистского дискурса можно фиксировать за счет интерпретации символов личности места, вербализации представлений о регионе как об уникальном для страны пространстве, номинирования регионального сообщества. Это находит проявление в употреблении смысловых клише о региональном характере, региональном духе, региональной истории и специфике «земли», конкретных брендов региона, имен «культурных героев» и др. Конкурсные практики также часто используются для определения персоналистских идентификаторов, которые определяются как имеющие «символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии (персоналистский / персонифицированный образ)» [Бедерсон, 2016, с. 34].

Употребление в дискурсе различного рода метафорических конструкций специфичности и самостийности, фиксирующих региональные амбиции, позволяет использовать их в символическом торге с федеральным Центром за дополнительные ресурсы. Иногда за этими словами, как указывает А.С. Макарычев, практически ничего не стоит: «"Региональные ценности" и "региональные идео-

логии” – это гипотезы, своего рода фантомы, необходимые политическим лидерам для реализации их проектов и для создания “знаков отличия” от других»¹. Однако очень часто эти ценности и символы имеют важное значение для регионального сообщества, которое готово их отстаивать как значимые выразители личности места.

Касательно предмета нашего изучения речь идет об артикуляции в ходе символических конкурсов атрибутов региональной идентичности (символов, героев, характеристик уникальности места). Это связано с конкурсным целеполаганием, которое направлено не только на стимулирование патриотизма, туристической привлекательности России в целом, но, прежде всего, на развитие идеи символического связывания пространства страны за счет проектной деятельности. Не случайно каждый конкурс направлялся в субъект РФ, который представлял в нем «все лучшее, интересное и достойное внимания»², «символизирующее эти регионы»³, подчеркивающее «историческую связь с данной территорией»⁴.

Изучение регионалистского дискурса связано с использованием количественных и качественных методов анализа текстов. При изучении конкурсных практик источниками анализа послужили материалы официальных сайтов проектов⁵. На первом этапе выделялись наиболее активные регионы в ходе проводимых кон-

¹ Макарычев А.С. Метафоры регионализма в международно-политическом дискурсе // ИФ. – Режим доступа: <http://www.policy.hu/makarychev/rus17.htm> (дата посещения: 12.07.2020).

² Из документации проекта «Россия 10». – Режим доступа: <http://10russia.ru/about> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Из документации проекта «Аллея России». – Режим доступа: <https://vk.com/alleyarossii> (дата посещения: 12.07.2020).

⁴ Из документации проекта «Великие имена России». – URL: <https://xn--80adjaaqabriqn.xn--p1ai/about> (дата посещения: 12.07.2020).

⁵ «Семь чудес России». – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20080410152107/http://www.ruschudo.ru/> (дата посещения: 12.07.2020), «Россия 10». – Режим доступа: <http://10russia.ru/> (дата посещения: 12.07.2020), «Аллея России». – Режим доступа: https://www.nexplorer.ru/news_13249.htm (дата посещения: 12.07.2020). – Режим доступа: <https://vk.com/alleyarossii> (дата посещения: 12.07.2020), «Народная банкнота». – Режим доступа: <http://xn----ctbtwbliac6kg.xn--p1ai/> (дата посещения: 12.07.2020) и «Великие имена России». – Режим доступа: <https://xn--80adjaaqabriqn.xn--p1ai/about> (дата посещения: 12.07.2020).

курсов. Замерить данный индикатор можно формальным количественным подсчетом регионального участия в конкурсных практиках. При этом важным оказывается не просто участие, а активность в голосовании и продвижении, выражаемая в прохождении номинированных символов от региона в этапы голосования, равные финалам и полуфиналам. По результатам подсчета данных, в число регионов, демонстрировавших высокую активность во всех или в четырех из пяти конкурсов («Семь чудес России», «Россия 10», «Аллея России», «Народная банкнота» и «Великие имена России»), стали: Астраханская область, Волгоградская область, Воронежская область, Иркутская область, Калининградская область, Камчатский край, Краснодарский край, Красноярский край, Московская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Пермский край, Приморский край, Псковская область, Республика Башкортостан, Республика Коми, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Свердловская область, Смоленская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область и Челябинская область.

Далее, для уточнения сущности и целей актуализации регионалистского дискурса в рамках конкурсов был задействован метод глубинных неформализованных интервью в регионах, в которых в 1990-е годы существовали ранее или существуют сейчас организации и движения регионалистского плана (регионализм как движение [Панов, 2020, с. 105]). В рамках интервьюирования экспертов и регионалистских акторов в числе прочих вопросов о состоянии и динамике регионализма в данных регионах затрагивались вопросы, связанные с возможностями артикуляции регионалистского дискурса и конкретно по федеральным символическим конкурсам. Полевые исследования и экспертные интервью проводились в 2019 г. в Республике Татарстан, Свердловской области, Новосибирской области, Хабаровском и Приморском краях.

Символические конкурсы в оценке экспертов и регионалистских акторов

Популярное в СМИ мнение о том, что организация и проведение символических конкурсов осуществляется с целью отвлечения общественного мнения от текущих социально-экономических

проблем, поднималось в ответах экспертов: «Просто информационная шумиха с целью занять общественное мнение»; «Если мы говорим о массовом сознании, это было искусственное. Надо было – придумали, поиграли в эту электронную демократию. Не более. В массовом сознании это что было, что не было»¹. Однако несмотря на наличие таких оценок, большинство фиксировало позитивное значение конкурсных практик.

Важность подобных проектов именно для регионов обусловлена несколькими моментами. Во-первых, конкурсы связаны с символизацией и неотделимы от эмоциональной составляющей, поэтому они вызывают большой интерес и вовлеченность: «Востребовано, конечно. Это очень важное, мне кажется. Именно с этого начинается все. С символов этих, с символичности этой начинается все. И вообще все восприятие. Поэтому, естественно, это важная составляющая. И очень чувствительная»². Следовательно, как символический ресурс он может использоваться региональными акторами и позволяет проводить символическую преференциальную политику. В этом смысле показателен пример Республики Татарстан, где выбрали имена для двух аэропортов в 2018 г. с учетом «межэтнического баланса» [см. подробнее: Назукина, 2020].

Во-вторых, через конкурсы можно решать проблемы позиционирования территории, создавать устойчивые ассоциации с местом: «Потому что – имидж. Допустим, название “аэропорт Казани имени Тукая”. Тукай для татарской литературы – то же самое, что Пушкин – для русской. Символика определенная, она, конечно, должна быть»³. Полезность конкурсных практик очевидна и в поиске новых символов-идентификаторов.

В качестве примеров можно обратиться к выбору символики для банкноты 200 и 2000 рублей, когда во Владивостоке в результате конкурса победу одержал мост на остров Русский, активно позиционирующийся сверху федеральным Центром как важный геополитический и стратегический символ: «Сейчас, действительно, стал символом, который узнают иностранцы, жители других регионов воспринимают Владивосток через мост, местные

¹ Интервью с экспертом 4 от 05 декабря 2019. Екатеринбург. Архив автора.

² Интервью с экспертом 4 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

³ Интервью с экспертом 6 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

стали себя с этим ассоциировать»¹. Другой случай – конкурс по наименованию аэропорта в Омске, когда долгое время лидировало имя Егора Летова, с которым сопоставляли ход конкурса в Новосибирской области, где победило имя А.И. Покрышкина: «Аэропорт переименовали в честь А. Покрышкина. В городе шесть памятников Покрышкину, это имя уже затаскали. Пять было памятников Покрышкину, переименовали аэропорт и поставили шестой памятник. Поэтому инициативу с именем Е. Летова восприняли как глоток свежего воздуха»².

Кроме того, конкурсы стимулируют участие равнодушных активистов, интеллектуалов, которых можно считать регионалистскими акторами³. К примеру, в том же Владивостоке в конкурсе на доименование аэропорта большое влияние в победе имени Арсеньева оказала активность творческой элиты региона: «Я раскручивал эту тему, и в том, что назвали именем Арсеньева есть и мой вклад. Арсеньеву в 2022 г. будет 150 лет, и мне хотелось, чтобы эта дата была отмечена не на локальном, а на федеральном уровне. Я глубоко убежден в том, что он до сих пор актуален»⁴.

Еще более яркий пример представляет помощь татарстанских активистов в оспаривании победителя по выбору названия аэропорта Горно-Алтайска в 2018 г., который едва не закончился открытым конфликтом: «В переименовании аэропортов была настоящая битва взглядов. Это стимулировало дискуссии. Сейчас у Татарстана хорошие отношения с республикой Горный Алтай, и был проблемный момент, когда алтайцы увидели, что терпят поражение, они обратились к нам за помощью. Татары поддерживали их как братья по крови»⁵.

Таким образом, эксперты сходятся во мнении, что, несмотря на политизацию и возможности политического манипулирования при проведении конкурсов, как и любых выборов, в конкурсном инструменте заложен стимул на актуализацию регионалистского дискурса. Особенно ярко это проявляется в ситуации конфликтов⁶.

¹ Интервью с экспертом 3 от 31 октября 2019. Владивосток. Архив автора.

² Интервью с экспертом 3 от 29 октября 2019. Новосибирск. Архив автора.

³ Подробнее о роли интеллектуалов в политике идентичности см.: [Фадеева, 2012].

⁴ Интервью с экспертом 3 от 31 октября 2019. Владивосток. Архив автора.

⁵ Интервью с экспертом 6 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

⁶ Интервью с экспертом 6 от 06 декабря 2019. Екатеринбург. Архив автора.

Наиболее ярко данная конфликтность была продемонстрирована в ходе последнего конкурса «Великие имена России». В Республике Алтай, о которой уже упоминалось выше, к примеру, имел место прецедентный случай, когда организатором – Общественной палатой РФ было принято решение вывести из проекта «Великие имена России» аэропорт Горно-Алтайска, поскольку в регионе на фоне потенциальной победы «варяга» Н. Рериха возникло острое напряжение. Презентация своего кандидата местного художника Чорос-Гуркина выстраивалась на основе землячества, на таких смысловых категориях, как «родной край», «наша земля», «земляки», «малая родина» и др. На практике это реализовывалось в таких аргументах: «Символ национального самосознания алтайцев»¹, «алтайский», «местный», «наш символ», «Чорос-Гуркин – наше все» и др. Указанная аргументация усиливалась фактом соперничества по линии «свой – чужой» и этноконфессиональной спецификой².

Примером символического конфликта можно также назвать ситуацию в ходе того же конкурса в Калининградской области, для населения региона которой характерна борьба не двух, а трех идентичностей – общероссийской, региональной и европейской [Ачкасов, 2005]. Естественно, что федеральные и, в немалой степени с их подачи, региональные власти при этом в наибольшей степени волнует «общероссийский» компонент.

Для развития региональной мифологии Калининградской области ярко выраженным культурным героем – монополистом региона стал великий философ Иммануил Кант, вся жизнь которого была связана с Кёнигсбергом. Именно это имя стало «камнем преткновения», вокруг которого разгорелся конфликт в ходе конкурса. Политолог Алексей Макаркин назвал его конфликтом «западников против патриотов»³. Имя Канта (и связанная с ним немецкая история) олицетворяло европейскую идентичность и изначально лидировало в голосовании. Однако против него началась антипропаганда с обвинительными сообщениями в СМИ и в Сети. К примеру, начальник штаба Балтийского флота вице-

¹ Интервью с экспертом 6 от 3 июля 2019. Казань. Архив автора.

² Подробнее о этнокомпоненте в политике идентичности см.: [Семененко, 2017].

³ Макаркин А. «Великие имена России»: планы и конфликты // Политком. – 2018. – Режим доступа: <http://politcom.ru/23230.html> (дата посещения: 12.07.2020).

адмирала Игорь Мухаметшин назвал Канта «предателем родины», который «унижался и на коленях ползал, чтобы ему дали кафедру в университете»¹. Печальным итогом противостояния стала акция вандализма: могила и памятник Канта были облиты краской. В результате мобилизации в лидеры вышло имя императрицы Елизаветы Петровны (патриотический дискурс), которое стало победителем.

Как показывают практика и опыт западных стран, нивелировать конфликтность можно за счет предмета выбора, а также с помощью проведения интегративных конкурсов, охватывающих все регионы, и где регионы не конкурируют между собой. Примером такого конкурса был проект «Аллея России»: он касался природных символов, и по его итогам победителем стал каждый регион. Тем не менее и в рамках данного конкурса актуализировался регионалистский дискурс.

Интегративные символические конкурсы (на примере проекта «Аллея России» по выбору «зеленых символов»)

Инициаторами конкурса – акции «Аллея России» – в 2014 г. выступили Министерство природных ресурсов и экологии РФ и Фонд содействия охране окружающей среды «Природа» при поддержке Русского географического общества, Министерства культуры РФ, органов власти субъектов и других. Цель конкурса заключалась в том, чтобы «природные символы стали такой же составной частью образа регионов России, какой сегодня являются архитектурные или исторические памятники»². Участие в конкурсе приняли все регионы, выдвинувшие более 400 растений (от трех до восьми в каждом регионе) на голосование (во всех формах голосования приняло участие около 3,5 миллиона человек). На уровне дискурсивных практик он имел важную символическую функцию, связанную с транслированием идеи единства России и Крыма, поскольку растения-символы – победители по итогам про-

¹ Начштаба Балтфлота: Все говорят Кант, а этот человек предал родину, унижался, на коленях ползал // КП – Калининград. – 2018. – Режим доступа: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26915/3962535/> (дата посещения: 12.07.2020).

² Смольякова Т. Россия выбрала свои зеленые символы // РГ. – 2014. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/11/11/alleya-site.html> (дата посещения: 12.07.2020).

екта были высажены в виде парковой зоны Аллея России в Севастополе.

Анализ списка победителей проекта показывает выраженную тенденцию маркирования макрорегиональной сибирской идентичности в названиях победителей «зеленых символов» девяти регионов: ель сибирская голубая (Республика Бурятия), рябина сибирская (Иркутская область), липа сибирская (Кемеровская область), сосна сибирская кедровая (Красноярский край), яблоня сибирская (Омская область), рябина сибирская (Тюменская область), сосна кедровая сибирская (Томская область), сосна кедровая сибирская (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), лиственница сибирская (Ямало-Ненецкий автономный округ).

Из всех традиционно сибирских регионов только Новосибирская область не получила символа, в котором бы на уровне названия фигурировала «Сибирь». Тем не менее рябина обыкновенная является родственной рябине сибирской¹, а на уровне обсуждений аргумент неприхотливости и способность переносить морозы до минус 50 градусов был важным в дискуссии образа сибиряка. Тем не менее указанный символ был воспринят как не отражающий региональной специфики: *«Она связана с жизнью не только сибиряка, но и любого другого города в России и даже зарубежья. Так что, с нашей стороны было бы не очень-то патристично определить ее символом нашего города»*². Не случайно после объявления результатов многие в Новосибирске заговорили о необходимости провести массовые посадки рябиновых аллей: *«Иначе гости столицы Сибири не поймут, почему рябина, не тополь стал символом нашего региона»*³.

Второе место по значимости для регионов имеет макрорегиональная северокавказская идентичность: пихта кавказская (Карачаево-Черкесская Республика), груша кавказская (Кабардино-

¹ Калинкина М. Рябина сибирская стала зеленым символом Тюменской области // КП-Тюмень. – 2014. – Режим доступа: <https://www.tumen.kp.ru/online/news/1890338/> (дата посещения: 12.07.2020).

² Выберите эмблему Новосибирска в Крыму // novosib-room. – 2014. – Режим доступа: <https://novosib-room.ru/vyberite-emblemu-novosibirska-v-krymu-77719> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Рябина станет символом Новосибирской области // Город54. ру. – 2014. – Режим доступа: <http://novosibirsk.bezformata.com/listnews/ryabina-stanet-simvolom-novosibirskoj/25907286/> (дата посещения: 12.07.2020).

Балкарская Республика), подснежник кавказский (Республика Ингушетия).

Собственно региональная идентичность нашла свое проявление в нескольких моментах.

Во-первых, в названии победителя и в фиксировании сложившегося регионального символа, который уже институционализирован в региональных атрибутах уникальности места. Максимальное количество голосов, полученные в некоторых регионах, объясняются историческими причинами и природными особенностями территории. В Волгоградской области – Сталинградский тополь (73%), в Хабаровском крае – амурский бархат (67%), карельская береза в Карелии (67%) в названии фиксируют региональный маркер.

Например, в Волгоградской области безусловным лидером голосования с первых дней стал Сталинградский тополь – дерево-памятник, пережившее Сталинградскую битву: *«В Волгоградской области горожане, как истинные патриоты, проголосовали практически единогласно за Сталинградский тополь. Это дерево обогнало всех претендентов на несколько десятков процентов голосов»*¹. Через этот символ воспроизводится основной маркер региональной особенности региона и города-героя. У его основания установлена мемориальная доска, надпись на которой гласит: *«Природно-исторический памятник. Тополь этот пронес жизнь свою через битву великую»*². В 2013 г. Сталинградский тополь был клонирован, и один из клонов был выбран для посадки на Аллее России в Севастополе³.

Поддержка уже сформировавшихся символов нашла проявление в Карелии (карельская береза), в Курской области (курская антоновка), в Амурской (лотос Комарова), Мордовии (мордовник обыкновенный), Республике Алтай (алтайский кедр), Калмыкия

¹ На «Аллее России» от Крыма лидирует можжевельник // КП. – Вологда. – 2014. – Режим доступа: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26302/3180580/> (дата посещения: 12.07.2020).

² Экскурсионное бюро Волга-Volga. – Режим доступа: <https://excursion-volgograd.ru/article-stalingradskiy-topol-volograd.php> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Клоны Сталинградского тополя появятся еще в 17 городах // Экология регионов. – 2017. – Режим доступа: <https://ekovolga.com/novosti-ekologii/4925-klony-stalingradskogo-topolya-poyavyatsya-eshche-v-17-gorodakh.html> (дата посещения: 12.07.2020).

(тюльпан Геснера). Липа сердцевидная в Самарской области преподносилась как символический выбор, «так как листья дерева в форме сердца напоминают очертания губернии на карте»¹.

Во-вторых, региональный аспект содержался в важности этнического маркера для «национальных» регионов. Так, большой результат продемонстрировал цветок италмас (купальница) в Удмуртии (71%). Он является традиционным, хоть и не официальным символом республики: *«Италмас – любимый цветок удмуртов, символ любви и печали, верности и разлуки, надежды и радости – золотой символ нашей республики»*². Интересно отметить, что в момент определения официальных символов этот цветок был представлен на нескольких проектах флага республики, которые в итоге приняты не были. Многие оппоненты сочли, что этот цветок не может олицетворять лишь удмуртскую государственность, поскольку растет не только в Удмуртии³. Тем не менее большинство сообщений о конкурсе фиксировали, что «италмас» – это удмуртское название купальницы европейской.

Аналогично в республиках победителями стали курай в Башкортостане и марьямоль в Коми. В обоих случаях формальное инкорпорирование этничности в дискурс шло за счет использования названий на национальных языках. В Коми, например, указывали, что про марьямоль «сложена замечательная песня на коми языке», а русское его название – марьян корень, или пион уклоняющийся. Портал FINUGOR.RU, к примеру, писал, что изображение пиона уклоняющегося в 2010 г. стало логотипом сайта информационного центра финно-угорских народов FINUGOR.RU: *«Марьямоль был выбран как логотип сайта FINUGOR.RU поскольку он символизирует общность корней всех этносов уральской языковой семьи. Кроме того, по мнению редакции инфоцен-*

¹ Зеленым символом Самарской области стала липа сердцевидная // Правительство Самарской области. – 2014. – Режим доступа: https://www.samregion.ru/press_center/news/zelenym-simvolom-samarskoj-oblasti-stala-lipa-serdtsveidnaya/ (дата посещения: 12.07.2020).

² Золотой символ Удмуртии – италмас // Красная книга Удмуртии. – Режим доступа: <http://www.udmrbdu.ru/god-ecologii-2017/udm-redbook/> (дата посещения: 12.07.2020).

³ Из истории государственных символов Удмуртской Республики. – Режим доступа: <http://uralistica.com/m/blogpost?id=2161342%3ABlogPost%3A224214> (дата посещения: 12.07.2020).

тра, марьямоль также обозначает необходимость сохранения и развития традиций и культур этих народов»¹.

В Башкортостане наблюдалась большая конкуренция и отрыв в 7% курая от липы. Определяющей линией в позиционировании растения было продвижение цветка – «символа башкирского народа», изображенного на гербе и флаге Башкортостана: *«Цветок курая – символ дружбы, семь его лепестков, расположенных в центре белой полосы, символизируют семь родов, положивших начало единению народов, проживающих на территории Республики Башкортостан»².* Кроме того, курай – это музыкальный инструмент, отмечается праздник курая, открыта «Аллея кураистов» в регионе.

Этнический дискурс проявлялся и при поддержке значимых символов – растений. Так, в Алтайском крае региональное сообщество поддержало алтайский кедр. В повестке СМИ транслировалось, что коренные жители Алтая издревле почитают кедр и ежегодно проводят праздник кедра – Тюрюк Байрам. В Адыгее аналогично значимым оказался символ груши черкесский бергамот, сорт которой был выведен предками адыгов из дикорастущих форм.

Примером мифотворчества и конструирования идентичности является случай выбора победителя в Пермском крае, где было выдвинуто дерево гинкго, названное Чарльзом Дарвином «динозавровым деревом». Фактически использование данного символа соотносится с более широким мифом, связанным с пермским геологическим периодом. *«Мы, пермяки, должны гордиться своей малой родиной, поэтому и символ должен быть у нас ярким, оригинальным. Гинкго в этом отношении несомненный лидер. К сожалению, за рубежом Пермь сама по себе известна мало, а вот Пермский геологический период известен каждому образованному человеку. Это единственная эпоха в истории развития планеты, названная в честь одного из российских регионов. Именно с ним и*

¹ Логотип сайта FINUGOR.RU может стать зеленым символом Республики Коми // FINUGOR.RU. – 2014. – Режим доступа: <http://finugor.ru/logotip-saita-finugorru-mozhet-stat-zelenym-simvolom-respubliki-komi> (дата посещения: 12.07.2020).

² Государственные символы Республики Башкортостан. – Режим доступа: <http://gsrb.ru/ru/symbols/> (дата посещения: 12.07.2020).

ассоциируется Пермский край»¹, – отмечал директор Ботанического сада ПГНИУ Сергей Шумихин.

Стоит отметить, что чем выше был процент у победителя – тем более консолидированной позиция регионального сообщества о символе. Менее 25% набрали клен остролистный в Санкт-Петербурге и сосна лесная в Новгороде (21%), которая «стала самым неубедительным символом региона в России»². Межрегиональная конкуренция проявилась в номинировании и победе идентичных зеленых символов в нескольких регионах. Так, дуб черешчатый победил в четырех регионах (Воронежская область, г. Москва, Ростовская область, Саратовская область). Еще один дуб (дуб красный) стал символом Калининграда. Два региона выбрали своими символами грецкий орех (Дагестан, Краснодарский край).

Таким образом, в ходе данного конкурса удалось визуализировать природную карту символов-растений регионов, которые в ряде случаев стали значимым «неформальным» символом региона, который позиционируется так и до настоящего времени.

Заключение

Таким образом, символические конкурсы можно интерпретировать в качестве одного из инструментов политики идентичности. Вовлекая регионы в выбор значимых символических атрибутов, федеральный Центр стимулирует регионалистский дискурс. Во-первых, возникает рефлексия о региональной уникальности, объектах и именах, которые вызывают гордость у сообщества, создаются условия для культивирования региональной идентичности. Во-вторых, активизируются регионалистские акторы, которые берут на себя роль активных участников, продвигающих значимый, с их точки зрения, символ региона. Указанная активность формализуется в виде обращений, публикаций и призывов к коллективному действию. В-третьих, на уровне региональных элит данные конкурсы позволяют решать задачи позиционирования

¹ Символом Пермского края может стать растение из Ботанического сада ПГНИУ – Режим доступа: <http://perm.bezformata.com/listnews/simvolom-permskogo-kraya-mozhet/22894341> / (дата посещения: 12.07.2020).

² Итоги голосования за «зеленые символы». – Режим доступа: https://www.nexplorer.ru/news__13249.htm (дата посещения: 12.07.2020).

территории в соответствии с тем видением будущего региона, который они продвигают. Регионалистский дискурс на данном уровне служит аргументом торга с федеральным Центром, в котором наиболее активные регионы пытаются отстаивать символически значимые для региона маркеры уникальности. Однако одновременно и федеральный Центр может «продвигать» нужные символы в целях решения задачи общенациональной политики идентичности. Случай Крыма, который символически является важной территорией, особость которой поддерживается извне федеральным Центром, более чем показательный. Об этом говорит, в частности, факт выбора региона как места для создания символической Аллеи России, победа изображения Симферополя на 200-рублевой банкноте по итогам конкурса изображений для банкнот, а также один из наиболее высоких процентов принявших участие в голосовании в конкурсе по доименованию аэропортов (277 170 человек)¹. В таком случае регионалистский дискурс интегрируется как частная составляющая общенационального идентитарного дискурса.

Наиболее перспективными с точки зрения унифицирующего подхода в выборе символов являются конкурсы по типу Аллеи России, в которых участвуют все регионы, и где каждый получает символ-победителя. Хотя это не означает абсолютной консолидации, поскольку всегда будут противники и сторонники того или иного маркера идентичности. Конкурсы вокруг персоналистских идентификаторов оказываются потенциально более конфликтными. События на Алтае и в Калининграде показывают, как регионалистский дискурс может не только цементировать единство, но и дезинтегрировать сообщество.

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Региональная идентичность в российском политическом пространстве: калининградский казус // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – 2005. – № 3. – С. 68–82.
- Бедерсон В.Д.* Политика идентичности регионов современной России: сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов // Научный еже-

¹ Победители голосования «Великие имена России» // Сайт конкурса «Великие имена России». – Режим доступа: <https://xn--80adjaaqabpiqn.xn--plai/results> (дата посещения: 12.07.2020).

- годник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – Т. 16, вып. 1. – С. 33–91.
- Блинова О.А.* Шотландский регионалистский дискурс в британских СМИ // Научный диалог. – 2019. – № 7. – С. 39–55. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-39-55>
- Бурдые П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 45–60.
- Докучаев Д.С.* Регионализм как политический дискурс: методология интерпретации // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. – 2012. – № 4. – С. 70–79.
- Киселев К.В.* Дискурс региональной идентичности в современной России // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – С. 122–128. – (Дискурсология).
- Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. – 224 с.
- Малинова О.Ю.* Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – С. 7–21.
- Назукина М.В.* Символические аспекты российского регионализма: на примере конкурсных практик // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 532–550. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-4-532-550>
- Назукина М.В.* Конкурс «Великие имена России» в российских республиках: этнический дискурс политики идентичности // Мир России. – 2020. – Т. 29, № 1. – С. 132–152. – DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-132-152>
- Панов П.В.* Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – 2020. – № 1. – С. 102–115. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
- Семенов И.С.* Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 102–113.
- Фадеева Л.А., Назукина М.В.* Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201–220. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>
- Фадеева Л.А.* «Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность» – М.: Новый Хронограф, 2012. – 320 с.
- Щипков В.А.* Мифологические основания современного регионалистского дискурса: дис. ... канд. филос. наук. – М.: МГИМО, 2016. – 180 с. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/diss/2016/diss-Shchipkov.pdf> (дата посещения: 13.08.2020)
- Keating M.* Regions and regionalism in the European community // International journal of public administration. – 1995. – Vol. 18, N 10. – P. 1491–1511. – DOI: <https://doi.org/10.1080/01900699508525063>

- Frisvoll S., Fredrik Rye J.* Elite discourses of regional identity in a new regionalism development scheme: The case of the 'Mountain Region' in Norway // *Norsk Geografisk Tidsskrift–Norwegian Journal of Geography*. – 2009. – Vol. 63, N 3. – P. 175–190. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00291950903238990>
- Takashi T.* Regionalism in the new globalized economy: politics of scale and the discourse of regionalism. Comparative politics of two Japanese global city-regions. *Electronic Theses and Dissertations*. – 2005. – Paper 1463. – DOI: <https://doi.org/10.18297/etd/1463>
- Zimmerbauer K., Paasi A.* When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations // *Journal of Rural Studies*. – 2013. – Vol. 30. – P. 31–40. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>

M.V. Nazukina*

**Identity aspects of the regionalist discourse
of federal symbolic competitions**

Abstract. The article analyzes the discourse of regional identity in the course of Federal symbolic competitions, which are understood as events related to the organization of competition projects for the selection of significant symbolic attributes for regional communities. The research focuses on five projects: Seven wonders of Russia (2007), Russia 10 (2013), Alley of Russia (2014), people's banknote (2016), Great names of Russia (2018). Based on indicators of regional activity (counting participation and intensity of campaigns to promote regional symbols), a group of regions is identified for which the competition tool is interpreted as a significant resource in broadcasting regional uniqueness. The main forms of expression of regional identity discourse in the nomination and promotion of nominations for winning competitions are determined. Possible identity conflicts in the course of competitions are analyzed. Based on expert interviews conducted in Kazan, Yekaterinburg, Novosibirsk, Khabarovsk and Vladivostok in 2019, a matrix of motivations and arguments is constructed in the model of the regionalist discourse of Federal symbolic competitions. It is shown that the use of various types of metaphorical constructions in the regionalist discourse of the specificity of the region, its symbols and heroes, and the ambitions of the territory allows the region to broadcast its subjectivity.

Keywords: regionalism; regionalist discourse; regional identity; identity politics; symbolic competitions; Russia.

For citation: Nazukina M.V. Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic competitions. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 200–220. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.10>

* **Nazukina Mariya**, Perm federal research center, Urals branch of Russian academy of sciences (Perm, Russia), e-mail: nazukina@mail.ru

References

- Achkasov V.A. Regional identity in the Russian political space: Kaliningrad incident. *Political Expertise: POLITEX*. 2005, N 3, P. 68–82. (In Russ.)
- Bederson V. Identity policy of regions in contemporary Russia: comparative characteristics of personalistic identifiers. *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2016, N 16, P. 33–91. (In Russ.)
- Blinova O.A. Scottish Regionalist Discourse in British Press. *Nauchnyi dialog*. 2019, N 7, P. 39–55. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-7-39-55> (In Russ.)
- Bourdieu P. Identity and representation: elements of critical reflection on the idea of a "region". *Ab Imperio*. 2002, N 3, P. 45–60. (In Russ.)
- Dokuchaev D.S. Regionalism as a political discourse: methodology of interpretation. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2012, N 4, P. 70–79. (In Russ.)
- Fadeeva L.A. *Who are we? Intelligentsia in the struggle for identity*. Novyy hronograf, Moscow, 2012, 320 p. (In Russ.)
- Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identitarian studies). *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08> (In Russ.)
- Frisvoll S., Fredrik Rye J. Elite discourses of regional identity in a new regionalism development scheme: The case of the 'Mountain Region' in Norway. *Norsk Geografisk Tidsskrift-Norwegian Journal of Geography*. 2009, Vol. 63, N 3, P. 175–190. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/00291950903238990>
- Keating M. Regions and regionalism in the European community. *International Journal of Public Administration*. 1995, Vol. 18, N 10, P. 1491–1511. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900699508525063>
- Kiselev K.V. Discourse of regional identity in modern Russia. In: *Modern theories of discourse: multidisciplinary analyses (a series of «discourse studies»)*. Yekaterinburg: Discourse-PI Publishing House. 2006, P. 122–128. (In Russ.)
- Magomedov A.K. *The mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: models of political reconstruction «from below»*. Moscow: Moscow public scientific found, 2000, 221 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Identity politics as a struggle for meanings: The challenge of conceptualization. In: *Symbolic politics*. Issue 5: Identity politics. Moscow: INION RAS, 2017, P. 7–21. (In Russ.)
- Nazukina M.V. "The Great Names of Russia" in Russian Republics: Ethnic discourse on identity politics. *Mir Rossii*. 2020, Vol. 29, N 1, P. 132–152. DOI: <http://www.doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-132-152> (In Russ.)
- Nazukina M.V. Symbolic aspects of Russian subnational regionalism: the example of competitive practices". *Ars Administrandi*. 2019, Vol. 11, N 4, P. 532–550. DOI: 10.17072/2218–9173–2019–4-532–550. (In Russ.)
- Panov P.V. Many faces of regionalism. *Bulletin of the Perm University Political Science Series*. 2020, N 1, P. 102–115. DOI: <http://www.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115> (In Russ.)

- Semenenko I.S. Identity politics in the context of ethnic and cultural diversity: a new agenda. In: *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. I.S. Semenenko (ed.). Moscow: Ves Mir Publishers, P. 102–113. (In Russ.)
- Shchipkov V.A. *Mythological foundations of modern regionalist discourse*. Dissertation for the degree of candidate of philosophy. Moscow, 2016, 180 p. Mode of access: <https://mgimo.ru/upload/diss/2016/diss-Shchipkov.pdf> (accessed: 01.07.2020) (In Russ.)
- Takashi T. *Regionalism in the new globalized economy: politics of scale and the discourse of regionalism. Comparative politics of two Japanese global city-regions*. Electronic Theses and Dissertations. 2005, Paper 1463. DOI: <https://doi.org/10.18297/etd/1463>
- Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of Rural Studies*. 2013, Vol. 30, P. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>